

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 8

15 августа 1943 года

№ 8

содержание:

Обращение к казакам

Исторические очерки Дона
(продолжение) — П. Н. Краснов

Из казачьей старины

Казачьи подвиги — сообщения
с фронта

Новые танки — В. Сергеев

Черная книга красных палачей — А. Барвинко

Слышишь, Родина? — Есаул
М. Касякин

Смерть Вани — П. Н. Краснов

Станичники — романы в стихах
Н. Васильева.

Хранитель
печатных и донных
делов СССР
Вх. № зр. Н. 1122

Хороша водица из рук красавицы — девицы

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 28264

К а з а к и !

В дни великих вершений пусть ни на один миг не закрадется в наше сердце яд сомнения. Пусть не соблазнит нас отравя жидовско-большевистской лжи.

Вспомним 25 лет наших скитаний, подпольной скудной жизни, тюрем и ссылок, страшной гибели родных и близких, небывалого разорения казачьих областей: — вот что дал казакам Союз советских социалистических республик.

Нет! В Советском Союзе нам, казакам, свободно не жить. Нас уничтожат!

Освобождение и возрождение Казачьих Войск

возможно только в союзе с великим и храбрым, рыцарским Германским народом.

С ним, верные своей присяге, и пойдем мы до конца!

До полной победы христианской культуры над подлым кровавым жидовским угнетением!

До полной победы Света над тьмой! Правды над ложью!

Никакой террор, никакие застрашивания не поколеблют нас, казаков; не поколеблют и не испугают.

Все, как один, с Германской армией пойдем к общей великой и славной победе!!!

Дорогие станичники

Тихого Дона, Многоводной Кубани, Бурного Терека, Прикаспийских и Приамурских степей и далеких просторов Сибирских областей!

На страницах нашего журнала (№ 6) поставлен ряд вопросов, касающихся положения и судьбы казачества и его участия в решительной борьбе национал-социалистической справедливости против разных по форме, но одинаковых по существу, тиранов человечества — жидо-коммунизма и жидо-капитализма.

Все пережитое казачеством за последние 23 года побуждает нас обратиться к Вам, дорогие станичники, с настоящим призывом, отдав на Ваш суд наше понимание условий и задач, стоящих перед казачеством сегодня.

Ужасы, пережитые казачеством, достаточно известны всем, что-бы о них нужно было писать еще.

23 года кошмара, убийств, разорений! 23 года всенародного унижения и порабощения! 23 года — ссылка, тюрьма, кровь... грабеж, заключение, расстрел. Об этом известно не только казакам, — об этом знает весь мир.

Ныне, почти поголовно, все казачество покинуло родные земли и находится частью по эту сторону фронта, частью в далеких окраинах Сибири и Севера, а частью в эмиграции. Положение казачества на сегодня таково: или мы вернемся на наши родные земли, политые кровью наших лучших сынов, отцов и предков и тем самым положим основу возрождению веками прославленного казачества, или все мы должны будем доживать свои дни на чужбине и тем самым положить конец историческому существованию некогда прославленного на весь мир казачества, став таким образом его могильщиками.

Станичники! Неужели на нас с Вами выпала доля похоронить казачество?

Нет! Мы не имеем права, не должны и не станем его могильщиками!

Мы готовы бороться до последней капли крови и умереть с честью казака, а не ждать под заборами чужбины своих последних дней, влача жалкое существование.

Мы казаки, и только ими умрем!

Мы призываем каждого, кому дорого то, что называется казак — гордый потомок славного рода, — бросить все и идти в ряды казачьих полков, уже ставших в одну шеренгу с доблестной Германской армией, идти на защиту казачьих земель, станиц, куреней от варваров жидо-коммунистов.

Если в 1918-19 г. казачество без всякой реальной помощи извне могло вести героическую борьбу за свое существование, то теперь, имея сильную опору в лице первоклассной Германской армии, — казачество, испытавшее прелесть социалистического рая, тем более имеет все данные к выступлению на защиту своих прав, своей чести и самого себя. Имея такую мощную помощь, какой является армия Германского народа, казачество имеет все данные верить в то, что на этот раз оно победит.

Находясь вдалеке от наших родных мест, мы не имеем атаманов и внутренняя связь между нами прервана. Однако с помощью Германского народа и Главного командования армии мы имеем наш казачий журнал и пусть он, пока, станет нашим центром, куда будут стекаться наши думы, желания, наши стремления. Пусть его страницы станут проводником близких нам идей и руководством к дальнейшим действиям.

Чем скорее мы объединимся в единую, крепкую казачью семью и вольемся в ряды славной Германской армии, тем скорее мы вернемся в наши края, станицы, курени.

Итак, за дело, станичники!

Под руководством Германской армии и ее вождя Адольфа Гитлера вперед, станичники! С нами Бог!

Группа казаков

Исторические очерки Дона

Продолжение*)

IV

Военно-дозорные дороги. Казачьи городки — военный стан. Нижние и Верхние Раздоры. Донской атаман Сары-Азмаи — 1549 г. Морские поиски казаков по Азовскому и Черному морям. Походный и Ватажный атаманы. Односумы. Крепость Азов. Морская тактика казаков. Основание Гребенского (Терского), Волгского и Яицкого войск.

Как же и чем жили казаки в те первые годы заселения Дикого Поля, когда число их не превышало несколько тысяч; в те далекие времена первой половины XVI века, когда Москва хотела их истребить за их молодечество?

Жили:

Стеню широкой...

Стеню необятной...

Там!.. — на воле, на Тихом Дону!..

Скучно станет — на Волгу пойдем,

Бедно станет — и денег найдем,

Волга Матушка приютит,

Всех приласкает и всех одарит!..

Жили набегами, разбоем, жили войной... Жили — добычей...

Если пришельцы не плыли в Дикое Поле, опускаясь по рекам Дону, Донцу, Хопру и Медведице на челнах — они шли по шлям — дорогам, положенным, вернее, — протоптаным вдоль этих рек. Дороги эти назывались «военно-дозорными». Главная, протоптанная из Москвы к Крымскому хану, шла по левой, погайской стороне Дона. Она входила в Дикое Поле, возле речки Деркула, после шла вдоль течения рек Глубокой и Калитвенец к Соколым горам. За Соколыми горами, за речкою Быстрою лежал первый казачий городок Раздоры Верхние. Нижние Раздоры, или «первая станция атаманская» находились под Кобыковым городищем.

Казаки ставили свои городки по течению больших рек. Городки эти были окружены тыном и терновыми плетнями, перед которыми были глубокие рвы. За тыном, ближе к городку, были валы с деревянными башнями по углам. Внутри такой крепости стояли большие избы, помещавшие по несколько десятков казаков. Иногда весь казачий городок состоял всего из нескольких таких изб-казарм. Возможно, что название Пяти-набической станицы произошло от того, что когда то в ее городке стояло только пять изб-казарм. Это были в полном смысле военные станы с военным устройством. Этого требовала суровая жизнь в степи, где казаки были окружены врагами-татарами.

В эту пору, начала XVI века, Дон был пуст. Краковский каноник, оставивший по себе описание Сарматии так пишет о Диком Поле: «широко раскинулись степи Алании, покинутые, как Аланами, так и последующими пришельцами. Иногда их пересекают казаки, ищущие по обычаю своему «кого поглотить», ибо живут они грабежами, никому не подвластные и пробегают обширнейшие степи, объединяясь в шайки по 10, 20, 60 и более человек...»

В 1538-м году погайский мирза Келмагмед жалуется Великому Князю Московскому Иоанну Васильевичу (впоследствии царю Ивану Грозному) на притеснения татар от казаков и тот отвечает ему: «...«лихих где нет?.. На Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди, как вам тати, так и нам тати»...

Однако не просто-то «тати» были те казаки, иначе не пришлось бы одиннадцать лет спустя, в июне 1549 года Юсуфу, князю Погайскому жаловаться Царю Московскому Иоанну IV на грабеж, который учинили татарским купцам «казаки северки, которые по Дону стоят», а в октябре того же года писал он дополнительно: «холопи твои, некто Сары Азмаи, на Дону в трех и четырех местах города поделали, да наших людей и послов стерегут, да разбивают...»

В списке Донских атаманов, хранившемся в Донском музее, в Новочеркаске, под 1549-м годом значится первым Донским атаманом Сары-Азмаи... Кто он был?... Возможно, что был он и татарин. «Сары-аз-маи» по татарски — «удалая голова»...

Сары-Азмаи поставил по Дону Верхние и Нижние Раздоры, Махин Остров на левом берегу Дона, в пяти верстах от нынешней Ольгинской станицы, Монастырский и Смагин городки в юрте нынешней Старочеркасской станицы.

Так «самодурью» пришедшие в Дикое Поле, «баловни» казаки завоевывали себе в кровавых боях место под солнцем, устраивались в диком богатом краю и, непризнанные Московскою властью, отрекающиеся от них, и называющие их «татами» — ворами, — делали великое дело расширения русских пределов и их обороны.

«С травы да с воды» не проживешь. Нужна и одежда, нужны люди, чтобы ставить городки и обслуживать их, чтобы ходить за скотом, стеречь в степи табуны, пестить всякую домашнюю, черную работу. Казак-воин, подобный западно-европейскому рыцарю — у него главное — война и набеги. У западно-европейского рыцаря были вассалы — его рабы; — у казака эту работу исполняли пленники — «ясыри» и пленницы — «ясырки»...

Наступал день, когда либо нужда заставляла, либо кровь казачья разыгрывалась в жилах молодца казака-атамана и вот, в праздничный день, выходил на площадь городка, на «майдан», статный молодец, скидывал с головы высокую шапку-трухменку из бараньей смушки, кидал ее на землю и кричал зычным голосом:

— Атаманы-молодцы, послушайте!.. На Синем море, аль на Черном поохотиться; на Куму, или на Кубань реку за ясырми; на Волгу матушку рыбки половить, или под Астрахань, на низовье за добычью; или в Сибирь пушных зверей пострелять...

— Эге! — раздавалось в казачьей толпе. — Это кто-же гутарит то?... О чем речь-то?..

— Иван Богатый кличет чего-й то.

— Иван Богатый?... Ии быть делу!..

Шапка за шапкой скидывались с лохматых, зубатых голов и бросались на землю. Шире становился круг казаков около первого, бросившего свою шапку, выше поднималась и гора шапок. Несколько сот казаков соглашалось идти в поиск.

— Ну, разбирай, атаманы-молодцы, шапки и айда Богу молиться.

Церквей в городках тогда еще не было, но на площади стояла часовня-голубец; пропойт казаки около нее молитвы, какие знают и идут в станичную избу, обсудить за чаркою вина поход и избрать походного атамана.

— Кому-же и быть походным то, как не ему?... Ивану Богатому!.. — раздавались голоса.

— Быть так!..

— В час добрый!..

Избран походного атамана, приступали к выборам «ватажных» атаманов, писаря, разбивались на звенья, казаки подбирали себе «односумов», с кем питаться из одной сумы, кого в бою держаться, как опоры.

И с того дня жизнь городка преобразилась. Куда девались пьяные гулябщики казаки, что целыми днями шатались по майдану, играли «в зернь», да затевали драки. Все слушало приказ атамана. Его власть была огромная. Малейшее неповиновение, да что неповиновение, — просто неуважение ему и — «в куль да в воду», или «посади на землю забить его стрелами» — смертная, лютая, позорная казнь!..

Первые большие набеги казаков были морские. На легких «чайках» однопалубных, спустились вниз по Дону, в плавнях построит большие парусные «будары», приспособленные и к ходьбе на веслах. Каждая такая будара вмещала 60—100 че-

*) Начало см. в № 7 «На Каз. Посту».

ловец казаков и айда в Азовское море и оттуда в Черное. Для большей устойчивости лодок от морской волны и для укрытия от неприятельских стрел борта лодок обшивались камышевыми щитами. На дне ставили бочки с пресной водой, боченки с соленой рыбой, мешки с сухарями и сушеной рыбой.

Без компаса и без морских карт, опознавая днем по солнцу, ночью по звездам, без секетана, шли казаки поперек Черного моря, к берегам Анатолии. Доходили до Босфора, грабили окрестности Константинополя. Турки укрепили находившийся в устьях Дона — Азов, перегородили реку цепью из тяжелых бревен, скованных железными кольцами.

Ничуть!.. Казаки ждали в Донских плавнях, в густых камышах, когда жестокая буря нагонит воду и поднимется над цепями, когда напором воды порвет и самые цепи и тогда ночью врываются в море.

Завидев турецкие корабли, казаки рассыпались и на веслах уходили против ветра, а к закату солнца приближались к кораблям с запада, чтобы солнце светило туркам в глаза и кидались с топорами и саблями на abordаж. Брали добычу оружием и одеждою.

Не мало казаков гибло в таких отчаянно смелых поисках...

Когда турецкий флот большими силами достигал морской казачий поиск — казачьи лодки на парусах и на веслах неслись к берегам, рассыпавшись цепью, скрывались в камышах, иногда затоняли и самые лодки. Но только повернут от берега турецкие корабли, как казаки вылезут из камышей, вычерпают воду из затонувших лодок и понесутся в погоню...

А когда кончится поиск морской, войдут казаки в родные воды Тихого Дона, идут вверх, обремененные добычей, с лодки на лодку понесется в лад гребле лихая казачья песня:

— «На усть Дона Тихого,

По край моря синего

Построилась башенька,

Башенька высокая.

На этой на башеньке,

На самой на маковке

Стоял часовой казак;

Он стоял, да умаялся;

Не долго не мешкавши,

Бежит спотыкается,

Говорит задыхается:

— «Кормилец наш — батюшка...

Ермак Тимофеевич...

Посмотри-ка, что там на море,

Да на море, на Азовском-то:

Не белым там забелелось,

Не черным там зачернелось,

Зачернелось на синем море

Все турецкие корабли...

Речь возговорит надежда атаман

Ермак Тимофеевич:

— Вы салитесь в легки лодочки,

На посу ставьте по пушечке,

По пушечке по медяничке,

Разбивайте корабли басурманские.

Мы достанем много золога

И турецкого оружия...

Шутка сказать, — а такими набегами по морю на ладьях, через стени на конях, баловни казаки, самодурью ставшие по Дону, с походным атаманом Андреем пошли «поохотиться» на Каспийское (тогда Хвалынское) море. Они дошли до Кавказских берегов, по реке Тереку поднялись в горы, стали по гребням их и положили основание Гребенскому казачьему войску. В 1580-м году царь Иван Васильевич Грозный перевез их на Терек и пожаловал их рекой Терек с притоками. С той поры стало Терское казачье войско.

В то же примерно время другая партия казаков поселилась в низовьях Волги у самой Астрахани и образовала Волжское войско. В 1854-м году партия Волжских казаков под предводительством атамана Нечаева прошла пустынные стени на восток и поселилась на реке Яике, основав Яицкое (Уральское) войско.

А там трубою среброгласной раздался голос Донского атамана Ермака Тимофеевича:

— Ой вы, Донские казаки охотники,

Вы Донские, Гребенские со Яицкими!..

Звал атаман на Волгу и Каму искать исвых земель за Каменным поясом за Уральскими горами далекой Сибири...

Нет!.. То не самодурья была воровских людей, как близоруко думала боярская Москва. Это были не баловни казаки, не тати, но лучшие, смелые, крепкие русские, ставшие по Дону рыцарским военным братством, воинственным народом, совершившим величавый путь обратно через «Великие Европейские Ворота», путь русской культуры на восток, в Азию!

Шли казаки на Сибирь!..

У.

Ясыри и ясырки. Начало семейной жизни казаков. «Прирожденные казаки». Низовые и Верховые казаки. Прimitивный свадебный обычай. Простота развода.

...«Мы достанем много золога

И турецкого оружия!..

Не только золото, нужное для обмена у пришлых с Руси людей на хлеб, на кожу, на вино и дерево брали казаки в добычу, не только добывали себе драгоценные турецкие и кавказские сабельные клинки, луки, саадаки и колчаны со стрелами, а позднее ружья — рушницы и пушки и порох, но забирали и одежду, материи, шелка и бархаты, золотую канитель, самоцветные камни, жемчуга, седельные и конские уборы и сбрую.

Они вели с собою пленников и пленниц — ясырей и ясырок. Пленники были нужны, чтобы устроить по казачьим городкам кузницы, палатить казачье свое производство оружия, чтобы стеречь табуны, тесать лес для лодок и строить избы, укрепления и сторожевые башни, шить нарядные кафтаны, расшивать их золотыми узорами, украшать привезенные с Руси иконы самоцветными камнями и жемчугом.

Из Крыма везли красавиц крымских татарок, счастливое сочетание татарской, ногайской крови с кровью романской, итальянской тамошних Генуезских колоний. С Кавказских гор приводили стройных горянок, черкешенок, осетинок, дагестанок и грузинок. С берегов Анатолии гордых малоазийских турчанок-османок.

В домашнем станичном быту казака появились женщины-ясырки. Появились, внесли в суровую жизнь воин-казака женский уют, красоту и восточный, цветистый обычай. Да так они привились, что еще в начале XIX века, т. е. спустя триста лет, в Новочеркасске домашнюю прислугу все продолжали называть «ясырками»...

И вот — стали между суровыми прямыми избами-казармами, несколько поодаль, в стороне, на отшибе, отдельные «курени» семейных казаков. Оплели обширный двор-баз плетнем, а там, гляди, — появился и вышневый садок и цветы — то чернотелая стройная ясырка заскучала по родному краю, насадила цветов — роз и олеандров, мальв и выюнков, как то было у нея дома. Вместо буйволов появились коровы; овцы заблеяли на казачьей базе.

Появились и дети...

Как их назвать?.. Кто они?.. Дети русского казака и чужеземной колонизки!.. Стали звать их «прирожденными» казаками в отличие от казаков пришлых. Стали величать по батюшке — так начались на Дону казачьи «фамилии».

На низовьях Дона и Донца создался свой особый тип казака — Низового. В него влилась левантийская кровь горцев Кавказа, татар Крыма и турок Анатолии. Стал он черноволос, черноглаз, высок ростом, строен и красив лицом с тонкими чертами, кое где по туземному обычаю стал брить бороду. В язык вошли слова с нерусскими корнями — татарскими и турецкими. В обычай вошел красивый, вежливый рыцарский быт горских народов Кавказа.

Иное случилось на верхах, в среднем течении Дона и Донца, на реках Хопре и Медведице. Тамонный казак-старобрядец бредовал магметанками востока, он искал женщин у себя дома, приводил из мест откуда и сам пришел, своих «родимцев» и «родимок». От них и родился тип казака Верхового. Широкие, светловолосые, голубоглазые и сероглазые, основательные стали по верхам Дона казаки старообрядцы. Крепче там была семейная жизнь и хотя земля там

была много хуже, чем на низах, одолевали пески — там раньше стали пахать землю и сеять хлеб. Стал там — казак «лапотник». — «Сина» презрительно кинул ему воин, низовой казак. Верховный не остался в долгу, ответил: — «чигá востропузая». Так и разделился Дон на Верх и Низ, разделился, но не раскололся. По прежнему все войско Донское стояло заедино, «единую думушку думало» — о чести и славе своего родного войска Донского... Когда приходило время — собиралось все войско на низ, к Раздорам, или к Монастырскому городку, выбирать всем войсковым Кругом атамана, решать большие вопросы, с кем и где воевать — ибо война была — жизнь и смысл жизни казака.

Когда появились прирощенные казачки, имевшие отцами казаков, простое сожительство с ними стало неудобным. Девушке нужно было оправдать себя перед родителями. Своя «кровинушка» дорога была казаку. Не хотел он видеть девичьего срама, не хотел рвать свою дочь с пленницей — ясыркой.

Церквей и священников по городкам казачьим в ту пору не было. Жизнь была все еще проста и порядочно дика. Вошло в ту пору в обычай, когда подружится казак с казачкой, заведет себе зазнобу, «любунку», шел он с нею в праздничный день на площадь-майдаи, приглашал станичного атамана, стариков и родителей нареченной невесты, брал ее за руку и объявлял всенародно:

— Ты будь мне жена!

— Казачка отвечала:

— А ты мне муж!

— Согласны оба? — спрашивал атаман.

— Ну, чего там еще, — смущенно закрывая лицо, говорила пунцовая от счастья и стыда казачка, — согласные!

— Ну в час добрый...

Еще казачьим поном куренем становилось больше в станичном городке.

Если мужу надоедала семейная жизнь, если вдруг потянет его в большой и опасный долгий поиск, из которого не надеется он вернуться целым невредимым — выводил он жену опять на майдаи, становился у часовни-голубца и объявлял квазакам:

— Вот, атаманы-молодцы, поглядите, — кому любя, кому надобна?.. Она мне гожа́ была, работяца и домовита. Бери, кому надобна.

Женщины было мало на Дону, и почти всегда такая покинутая жена шла охотника взять ее себе в жены. За деньги, за вещи, а иногда и просто за попойку, муж отдавал свою жену, пропинал ее.

Но, если не находилось охотника взять в жены, казак отпускал ее.

— Иди куда хочешь... Никому не надобна.

Приходилось такой жене мыкать горе по чужим людям, поступать в батрачки, в плени, в прислугу к какомунибудь семейному казаку подомовитее.

Так в XVI веке зародилась на Дону семейная жизнь донских казаков, о которой в песне про Ермака так поется:

...«Ермак тремя стами казаками город взял

Город взял он Казань и царю отдал,

Избавил Ермак войско Царское от хрона,

За то пожаловал Царь Ермака князем

И наградил его медалью именною,

Да подарил Ермаку славный тихий Дон

Со всеми его речками и проточками

Как возговорит Ермак Донским казакам:

«Пойдемте, братцы, на тихий Дон, покаемся,

Не женатые, братцы, все поженемся»...

VI.

Казачий быт в XVI веке. Свадьбы. Жена и мать казака. Детские игры и воинское обучение. «Шермици». Масляничные гулянья. Примерные бои. «Прощеный» день.

Сложнее становилась жизнь казаков по донским станицам. Попылились они уже не только принцами людьми, прошедшими тяжелые испытания пути, много перенесшими, крепкими и сильными, но росли по станицам и дети и явилась забота, чтобы выросли они казаками.

Свадебный обряд стал мягче... Уже не на площади среди гуляк казаков совершался он, но в станичной избе, где в красном углу стояли образа и теплились лампады и свечи.

Туда и приходили атаман, родители и родичи жениха и невесты. Жених, принаряженный, являлся туда с невестой, тоже одетой в лучшее платье. Они молились перед образами, кланялись в пояс на четыре стороны собравшимся, потом жених кланялся невесте и говорил:

— Ты, скить, Пастасья, будь мне жена...*)

Невеста становилась на колени, кланялась жениху в ноги и поднявшись отвечала:

— А ты, скить, Гаврила, будь мне муж...

После этого жених целовался с невестой и все присутствующие их поздравляли.

В случае, если брак был не удачен, муж приводил жену в станичную избу и говорил:

— Вот, скить, честная станица, она мне не жена и я ей не муж.

Почти всегда отказанную кто либо из присутствующих прикрывал плечом кафтана и тут же брал ее в жены.

Когда в станицу приезжал священник, все, кто раньше не был обвенчан по церковному, венчался у него и это была гордость казачки завершить брак в станичной избе церковным обрядом.

До конца XVI века охотников жениться среди казаков было немного. Свободнее, вольготнее чувствовал себя казак без жены. Жена — обуза... Говорит, рассказывает о том казачья старая песня:

...»Как со славной, со восточной со сторонунки

Протекала быстрая речунка, славный тихий Дон;

Он прорыл, прокопал, молодец, горы крутые,

А по правую по сторонунку — леса темные,

Как да по левую сторонунку — леса темные,

По Дону-то все живут, братцы, Донские казаки, люди вольные,

Люди вольные живут, братцы, Донские казаки,

Донские казаки живут, братцы, все охотнички.

Собирались казаки — други во единый круг,

Они стали меж собою, да все душаи делить.

Как на первый-то пай они клали пятьсот рублей

На другой то пай они клали всею тысячу,

А на третий становили красную денницу.

Доставалась красная девица доброму молодцу.

Как растужится, расплачется добрый молодец: —

— Голова-ль ты моя головушка, несчастливая...

Ко бою ли, ко батальце ты не первая,

На пая-то, на дуване, ты последняя,

Как возговорит красна девица доброму молодцу: —

— «Ах не плачь ты, не тужи, удай, добрый молодец;

Я сотку тебе шелков ковер в пятьсот рублей,

А другой ковер я сотку тебе во всю тысячу,

А третий я сотку ковер, что и сметы нет...»

Казачка оправдала себя не только сотканными коврами, созданным ею уютом степного казачьего быта, но, выросшая в казачьем военном стане, сама в нем дисциплинированная и строго одна была себя.

— Не замая!... Не лезь, пока не спрашивают... А то знаешь!!

Сильная, споровистая, годная на всякую работу она стала ровень с казакком. Уйдет казак в морской или степной поиск — казачка останется в его курене, за всем присмотрит, все соблюдет, а, если нападет в ту пору татарин на казачью станицу, возьмет и она ружьицу или лук и стрелы и пойдет с оставшимися казаками оборонять и ни в чем не уступит казакам. Своего не отдаст дурно.

Из поколения в поколение она воспитывала своих детей, как казаков, внушила им веру в Бога и любовь к родному краю. Века прошли — не изменилась казачка, не забыла заветов отцовских и материнских. Граф Л. Н. Толстой в безподобной своей повести «Казачки», описывающей жизнь Терских, Гребанских казаков в пору завоевания Кавказа дает прелестный облик Марьянки. В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» перед нами казачки уже теперешних, жестких и смутных времен, и какая прелесть они все, каждая в своем роде!... Да разве это не казачки в советском аду выросли настоящих казаков, любящих свое войско, верующих в Бога, неустрашимых и твердых... В тяжком из-

*) «Скить» — старинное — сказать: Ты сказать... Ты, так сказать.

гнании, в соблазне европейских городов казачка соблюла казачка эмигранта, любящего Родину — Тихий Дон, вольную Кубань, бурный Терек, сибирские просторы, равнины Уральских и Оренбургских степей, пустыни и горы Семиречья...

Когда появились в городках первые «прирожденные» дети — что радости было!... «Нашего полку прибыло!» В Верхне-Курмоярской станции до последнего времени сохранилось предание о второй, после пленниц женщине в станции. Это была некая «Чебачиха»... Первого младенца ее плычили всею станцией, а на первый зубок у него смотрели все с особенным восторгом и умилением. А, как гордилась им сама Чебачиха!... Ну, еще-бы! Молодой казак растет! Первый, не пришлый, какой то пришлый будет — Бог его знает, а это уже самый настоящий казак!...

И нужно было воспитать его и обучить казачьей науке. тогда была эта наука — да и не так простая... Меткость глаза, умение стрелять из лука и из рушницы, умение ездить и рубиться с татаринном. Кажется просто: стрельба на несколько десятков шагов, да промахнуться нельзя. И тактика у казаков была своя. Заманить неприятеля в «ветер» хитрою лавой, потом сразу обрушиться на него с флангов, окружить и уничтожить его. Теперь эта тактика известная с римских времен применяется в Германской Армии и носит ученое название «Канн» по имени того места, где она впервые была применена римлянами в войне с Карфагенянами. Тогдашние казаки о «Каннах», конечно, никогда не слыхали, а сами своим казачьим умом выработали этот прием и молодежь должна была его знать и понимать.

До пятнадцати лет казачье дитя росло, как Бог укажет. Играли на улице в «айдачки», — бараньи или телячьи кости, поставленные городками, в которые кидали свинчаткой, разбивая городки. Здесь незаметно за игрою — развивалась рука и приобреталась меткость глаза. Зимними вечерами смотрел мальчик казаченок, как в избе под зажженной свечью играли старшие в шахматы — очень была в ходу в ту пору у казаков эта игра, привезенная из турецких и персидских стран, или слушали дети рассказы старших о набегах и поисках, о турках и татарах и знали казачьи дети, что татарин здесь близко, что каждый час может он прискакать на быстрых конях и напасть на городок.

Летом скакали дети на непоседливых конях в табуи, отводили отцовских коней и ночью сидели у костра, стерегли коней от волка и от лихого человека. С пятнадцати лет мальчик становился уже казачком и принимал участие во всех казачьих военных играх — маневрах, в ту пору называвшихся «шермичьями»...

Бывали те игры обычно на масляной неделе, когда морозы станут помягче, дни станут длиннее, а о походах и поисках еще рано думать: — реки покрыты льдом...

К городку к этому времени съезжались на конях казаки из окрестных станций — каждая станция приезжала со своим знаменем. Начинались военные игры с упражнений в джигитовке и рубке. Стреляли в глиняные бутылки, поставленные в поле из луков и рушниц. Потом происходили любимые в ту пору кулачные бои, где станция шла на станцию стеною, где начинали бой мальчишки, а потом разындрывались и взрослые, силачи зазывали силачей и вот пошла стена на стену, поощряемая криками зрителей и началась драка, часто доходившая до смертоубийства. Тут была жестокая сеча, но она приучала казака к безстрашию и в настоящем рукопашном бою.

В четверг на масляной станичные атаманы собирали «сбор» и объявлялся приказ: — «на гуляньи быть без безчинств»...

Станции разбивались на несколько «ватаг». Каждая ватага выбирала своего ватажного атамана, двух судей и писаря. Ватаги ездил по станции верхом или ходили пешком и возили знамена. При встрече одной ватаги с другой они салютовали, потом разъезжались и кидались одна на другую в примерный бой в дротики.

Тем временем в стени за станцией строилась крепость из снега с Кремлем и на ней водружалось знамя. Одна часть молодежи станичной занимала гарнизон этой крепости — другая должна была атаковать крепость и сорвать с Кремля знамя. Атаковали на конях большею частью без седел. В ряды молодежи порою становились и старые казаки — для примера...

Вся станция собиралась на стени и нестройно толпою располагалась вокруг крепости. Все принарядились, все празднично настроены, все немного под влиянием винных паров. И крепкого меда и пива и полнива и пенного «арьяна» выпили не мало. Защитники и атакующие возбуждены и готовы на смертный бой.

Раздался сигнал, двинулась стройная казачья лава в атаку. Свищут плети, посылая коней, и вот уже скачут через ров, карабкаются по скользкому скату крепостной ограды. В толпе не выдерживают, кричат, поощряют своих, соболезируют унавшим.

— Ой, батюшки светые родимые, глянь! да что это, никак наш Пашка Кривянский упал с коня!... Ить это его конь бежит.

— Расшибся никак

— Ничего... Вскочил... На ногах стоит... Бежит!.. Доспеваает!...

— Он и пеший в раз потрафит...

— Так его!... Так его!... Дай ему раз!... Да покренче...

— Не по ладному бьет... Штраховать надо-ть таких. Это ему не татарин.

— Егорка на негом у самого знамени свалился.

— Тоже ить не пуцают... Не отдают своего дурно.

— Котору атаку отбили, а все идут.

— К чему судьи присудят...

— Не взяли крепости...

— Вот те на!... Не взяли! Как же оно то будет?...

— Ить казачья крепость то оказалась, как ее возьмешь?...

Кончился бой. Идет стговор между старыми казаками «с носа по алтыну» — в кабаке водку ить.

Жены недовольны. В открытые окна кабака гремит по всей станции слышная песня казачья. Услышит в той песне казачка голос мужа, накинет платок и спешит выручить мужа из пьяной гульбы. И, если выручит — платит штраф — выставив честной компании водку на два алтына...

В воскресенье, на масляной — отбой... На станичном майдане в круг поставлены столы и скамьи, навалена закуска — баранья, тарань, осетровые балыки, икра, соленые арбузы, хлеба, чего только нет! Стоят жбаны и сулеи с вином и пивом, с медами и винами заморскими из набегов привезенными. Ватаги собираются к столам со своими атаманами и знаменами... Женщины и дети стоят поодаль: — не место женщине на казачьей беседе...

Собрались, устроились за столами. Станичный атаман встает и снимает шапку. Встают все казаки и обнажают головы. Седые, лысые, черноволосые головы с примасленными волосами блестят на зимнем низком солнце.

Разобрали чары. Примолк круг станичный. Атаман возглашает:

— Про здравие Царя и Великого Князя Московского!

Молча пьют. Хотя и теснит порою Москва и обижает вольных людей, называет их «татами» — не помнят той обиды казаки, знают за кого по стени стоят, где государское дело вершат.

— Про здравие Войскового Атамана!...

— В час добрый!...

Выше поднимает чару атаман.

— Про здравие всего Великого Войска Донского!...

Радостно зашумел круг...

— Про здравие честной станицы!... Садись, атаманы молодцы...

Ушло за снежную стену зимнее солнце. Близок конец «проценого» дня. Темнеет на площади. Глуше пьяное бормотание толпы. Негромко и будто печально ударил у станичной часовни колокол: — зовет к покаянию.

Все встают поворачиваются лицом к востоку, где в снежной почной дымке таинственным фонарем загорается вечерная звезда. Все крестится и по одному один за другим подходят к атаману, друг к другу, протягивают руки, целуются.

— Прости, атаман, Христа ради, в чем согрешил...

— Бог простит...

— Прости, дед Алпатыч...

— Прости, брат Корней...

Попрощались, притихли. Хмель вылетел из буйных голов. Раздается команда:

— Знамена к отпосу!...

Хрустят по снегу сапоги. В темноту станичных проулков между занедвельных плетней казачьих базов уходят знамена.

Так шуткой-игрою, так полным повиновением даже и в самых играх старые казаки готовили на себя тот рыцарский безстрашный народ, готовый для боя, жаждущий славы казачьей, не страшщийся смерти, глубоко верующий в Бога, знающий свое великое предназначение, готовый за себя постоять.

Сегодня — игра... Завтра набег, поиск, далекий поход в новые страны, откуда, может быть, никто не вернется...
(Продолжение следует) П. Краснов.

ВАШИ ПИСЬМА И РУКОПИСИ

для журнала

«НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ»

посылайте по адресу:

Schriftleitung «Kosakenposten»

Feldpost № 28254

Из казачьей старины

Это было в 1703 году

Известный путешественник, вице-адмирал голландской службы Крайс, издал в 1703 г. в Амстердаме книгу своих воспоминаний, переведенных на русский язык и изданных в Петербурге в 1834 году. В этой книге приводится свидетельство о казаках того далекого времени:

«Казаки добродушны и щедры, не копят богатства; имеют много ума, хитры и особенно искусны в военном деле. Никто лучше казака не умеет напасть на неприятеля быстро и нечаянно, заманить его в засаду и воспользоваться малейшей его оплошностью. Они весьма храбры, равнодушно переносят голод, жажду и все случающиеся на войне тягости. Они любят волю и свое правление, в котором каждый казак имеет участие; по сей причине нет у них родового дворянства и подчиняются одному только начальнику, который избирается ими единогласно. Они называют его войсковым атаманом, а под ним участвуют в управе старшины и есаулы. Сии, также как и войсковой атаман, избираются, и не легко могут отказаться от поручаемой им должности: часто случалось, что таковых почитая изменниками, или недоброжелателями общей пользе, казнили смертию. Когда избранному объявляют его чин, он благодарит собравшихся на Круг за честь и клянется братьям (иного названия казаки друг другу не дают) до исхода души своей не шадить жизни для общего блага и быть верным исполнителем возложенного на него поручения».

Из той же книги:

«Казаки — охотники до крепких напитков; однако, в походе, особенно в морских поисках, редко встретите пьяного, ибо запрещается им под опасением строгого наказания брать с собой вино и водку: обыкновенно, достойное похвалы в таком народе, который многими почитается варварским; в сем отношении казаки превосходят наших (голландских) матросов»...

Донские курганы

Большинство донских курганов относится к эпохе господства на Дону кочевников тюрков. В курганах погребались покойники. Кроме оружия и предметов домашнего обихода отличительной особенностью могил этого периода являются каменные «бабы».

«Сведения о каменных бабах» составленные членом Донского областного статистического комитета А. Крыловым, зарегистрировали 321 «бабу».

До большевистского владычества, одна такая «баба» стояла у Атаманского дворца (у входа в Александровский сад). Эстетические чувства местных представителей советской власти, видимо, страдали от этого, и этот исторический памятник был убран.

Казак Дежнев

В июне 1648 г. из устья Колымы вышла в море на шести кочах большая экспедиция, снаряженная холмогорцем Федотом Алексеевым и с участием знаменитого казака Семена Дежнева. После трехмесячного плавания экспедиция достигла «Большого Каменного нос», ныне известного под названием мыса Дежнева.

Из записей того времени: «А живут на том Большом Каменном носу, вышедшем в море гораздо далече, люди и чюхчи добре много, против того же носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что прокают они сквозь губу по два зуба немалых костяных».

Разразившиеся бури разнесли кочи в разные стороны, большая часть их погибла. Коч Дежнева носило по морю «неволею» и выбросило на берег далеко к югу, «прошед Анадырское устье».

Таким образом, Дежнев фактически первым обогнул северо-восточную оконечность Азии.

Из оренбургской были

Всемирно-известные оренбургские платки делаются из шелковистого пуха киргизских коз. Киргизская коза дает в среднем 200 грамм пуху. Раньше киргизы разводили коз только для мяса и шкуры, не догадываясь, что главная ценность в козе — пух. Они были очень удивлены, когда много лет тому назад весной пришли к ним казаки и сказали:

— Ваши козы грязны, шерсть висит на них. Хотите, мы ваших коз почешем?

Киргизы, недоумевая, посмотрели на казаков. Согласились:

— Жаксы (хорошо).

Казаки почесали коз, унесли с собою очески. На следующую весну опять пришли «почесать», но киргизы смекнули, что казаки не просто приходят к ним, и сказали:

— Давай чаю, давай табаку, давай ситцу, а мы дадим коз чесать.

И выработался своеобразный распенок: одну козу почесать — посьмушка чаю или столько же табаку, или такое-то количество ситцу.

Потом казаки сами стали разводить коз, а киргизы, собирая «джебагу» (пух), продавали ее в станицах и городах.

Казачьи подвиги

СООБЩЕНИЯ С ФРОНТА

Атака на артиллерию

В прошлом месяце сильный партизанский отряд засел в укрепленной линии Сталина. Отлично вооруженная банда, с большим запасом огнеприпасов, обладала противотанковыми орудиями, минометами и 4 орудиями в 12,2 сантиметра. Терроризируя местное население, бандитский отряд не имел недостатка и в продовольствии и, таким образом, он был способен к длительному и упорному сопротивлению.

Против партизан был направлен сводный казачий отряд, состоявший из донцов, кубанцев, терцев и сибиряков. Окружив противника со всех сторон, казаки повели наступление по минированной и обстреливаемой бандитами местности, закончив его стремительной атакой. С налета были захвачены все орудия в полной исправности и целиком уничтожена вся банда. В этом бою казаки проявляли чудеса храбрости, на деле доказав верность принесенной Германскому командованию присяге. На этом участке фронта тыловой обороны, казачьи части пользуются прекрасной репутацией.

В открытом поле

В районе между Суражем и Витебском борьба с бандитами происходит, обыкновенно, в непроходимых болотистых лесах. В первый раз казакам пришлось столкнуться с ними в открытом поле, на котором большевики воздвигли сильный укрепленный пункт. Это укрепление казачий полк решил взять штурмом. Первое наше наступление банде удалось отбить, после чего, полк, при поддержке артиллерии снова завязал ожесточенный бой. В результате, казаки ворвались в расположение противника и заняли позиции, уничтожив всех их защитников — около 200 бандитов. Старая казачья традиция в ведении боя сочеталась с новой боевой тактикой и техникой. С достоинством носят они теперь медали за храбрость, на зеленой ленте, и другие ордена. При хорошем руководстве казаки считаются лучшими бойцами в Германской армии.

Ночное нападение

Один из казачьих разъездов пробрался ночью в тыл противника. В почной темноте, казаки незаметно подошли к кухне находившейся там красноармейской роты и залегли, поджидая рассвета.

С первыми лучами солнца к кухне потянулись красноармейцы с котелками, за книжкой. Вот тут то их и встретил разъезд дружным залпом. Обалдевшие от неожиданности «товарищи» не оказали никакого сопротивления и целая рота сдалась в плен горсточке казаков. Разъезд благополучно добрался обратно в свою часть, с пленными, не потеряв в этом деле ни одного человека.

Один против восьми

Рассказ казака

Кто мужественно идет в бой, остается всегда победителем. Даже погибая, он умирает с сознанием выполненного долга — жизнь отдана не даром и продана дорого. Такая мысль стала передо мной, когда наш батальон попал в тяжелое положение и стал вопрос: плен или смерть в бою.

Наш казачий батальон был расположен частями в трех деревнях. В темную пенящуюся ночь многочисленные банды одновременно напали на нас, причем к деревне, где я находился, подошла банда человек в 300. Под неистовый

...Над степью широкой, над степью бескрайной
Гроза разразилась бранным огнем...

свист пуль мы выскочили из домов и через пять минут бой был в полном разгаре. Мне было приказано оставаться у дома и оборонять его. Через открытую дверь восемь бандитов вплотную начали обстрел в моем направлении. Я подошел к двери и метким выстрелом уложил их предводителя. На его место стал другой и его постигла такая же участь — он не успел бросить в меня ручную гранату, как пал пораженный моей пулей. Остальные отошли за сарай, тогда я выскочил из дома на улицу. Вокруг меня сильная стрельба. Вдруг, я почувствовал удар в ногу и упал, но, к моему счастью, нашел в себе силы доползти до угла соседнего дома и снова открыть стрельбу по метавшимся по улице бандитам. В этот момент меня выручили подошедшие ко мне на помощь казаки.

Я счастлив и горд, что восемь бандитов не могли одолеть одного казака-кубанца. Рана моя уже зажила и я снова готов к дальнейшей борьбе против большевиков за возрождение родного казачества.

Новые танки

Всякий хороший танк должен в наивысшей степени удовлетворять 4 основным требованиям, сочетание которых определяет применения в тех или иных условиях: быстрота движения, надежная броневая защита, большая огневая сила и легкость управления. Однако один и тот же тип танка не может в наивысшей степени удовлетворять всем этим требованиям. Так, например, чем сильнее броня танка, тем тише его ход и наоборот. При конструировании танка стремятся только достигнуть большей или меньшей согласованности отдельных его достоинств в соответствии с теми боевыми задачами, которые ставятся перед типом танка. В зависимости от этого среди существующих типов танков различают две основных категории: «танки прорыва» и «танки преследования».

Основными типами английских танков являются танки «I», «II» и «III». Они обладают хорошей подвижностью, но сравнительно слабой броней. При весе около 15 т. танки «I» обладают скоростью в 37 км в час, а танки «II» и «III» даже в 58 км. Но зато все танки снабжены только броней от 16 до 21 мм толщины. Лучшим английским танком является танк «Черчилль». Он весит 38 т., снабжен броней в 88 мм толщины и вооружен несколькими пулеметами и пушкой калибра 5,7 см или гаубицей в 7,5 см. Но хотя танк «Черчилль» имеет прекрасную броню и большую огневую силу, зато его скорость не превышает 18 км в час. Неудивительно, что танки «Черчилль» легко становятся жертвой германских противотанковых пушек.

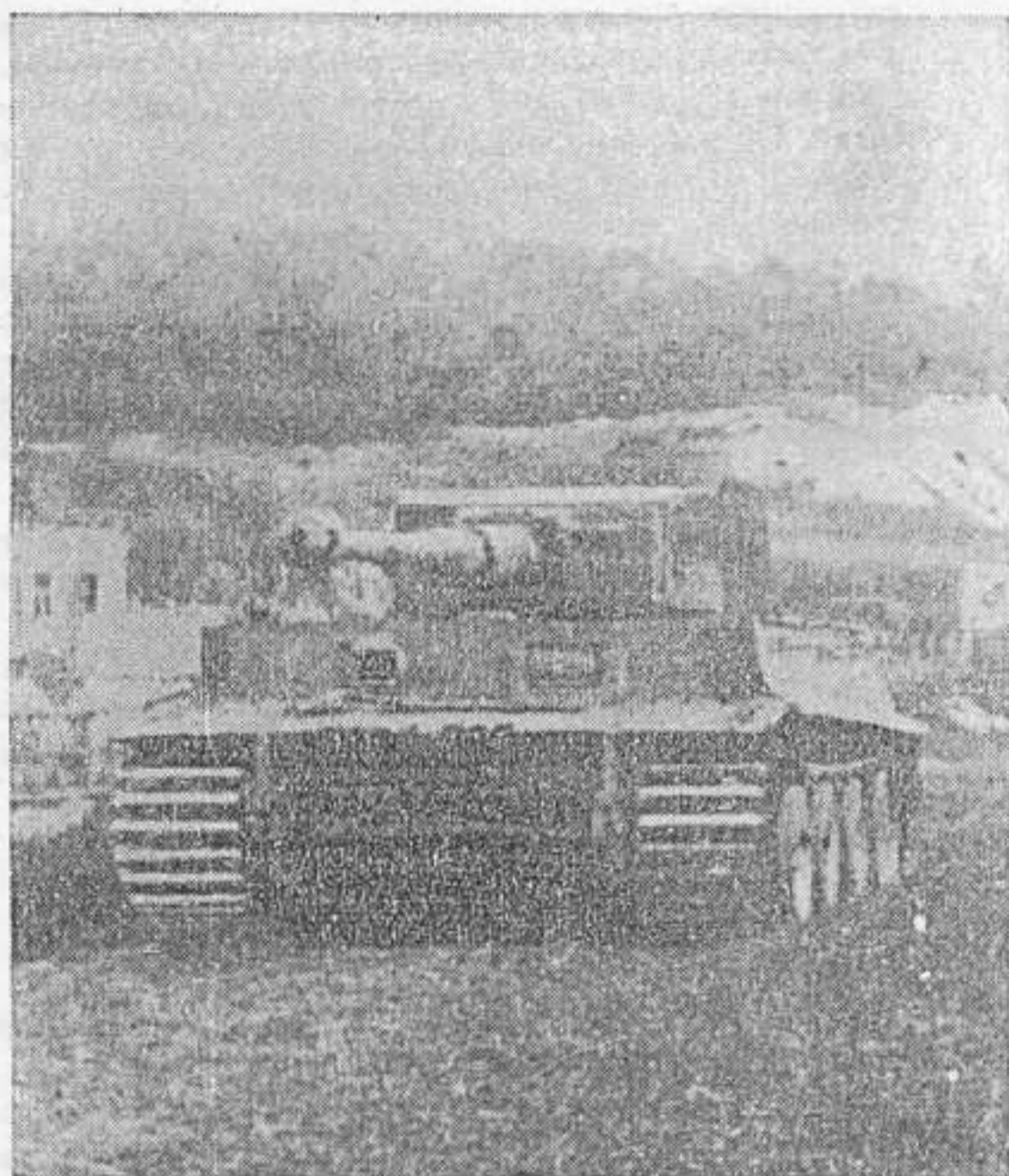
Американская армия располагает тремя основными типами танков. Самый старый из них танк «Генерал Стюарт». Он весит 13 т, имеет броню в 18 мм толщины и обладает скоростью в 56 км в час. Танк вооружен пушкой калибром в 3,7 см и 4 пулеметами. Более лучшим типом является танк «Генерал Ли», который при весе в 28 т снабжен броней в 55 мм толщины и имеет скорость до 40 км в час. Танк вооружен пушкой калибром в 3,7 см, помещенной во вращающейся башне, пушкой калибром 7,5 см в задней половине танка и несколькими пулеметами. Этот танк был применен в Северной Африке, но не оправдал возлагавшихся на него надежд.

Недавно созданный танк «Генерал Шерман» является лучшим американским танком. Он весит 30 т, снабжен броней в 65 мм толщины, имеет скорость до 40 км в час и вооружен пушкой калибром в 7,5 см, помещенной во вращающейся башне а также 2 пулеметами и тяжелым зенитным пулеметом. Полный поворот башни с помощью электромотора производится за 15 сек.

Советские танки лучше англо-американских. Большевики при постройке своих танков учли и использовали опыт англо-американского танкостроения. Советский танк типа «Т-28» имеет вес от 28 до 30 т и обладает мотором, сконструированным по образцу германского авиационного мотора. Более тяжелый танк типа «Т-35» весит 45 т, снабжен броней в 30 мм толщины и вооружен 5 пулеметами, пушкой калибром в 7,5 см, 2 пушками калибром 45 см. —

Тяжелый советский танк «КВ-1» имеет все 43 т, а «КВ-2» даже 52 т. Танки типа «КВ» не являются танками в полном смысле этого слова, а представляют собой скорее бронированную тяжелую артиллерию.

Лучшим советским танком является танк «Т-34». Он обладает большой скоростью, хорошей броней и сильным вооружением. Вес «Т-34» достигает 26,3 т. Танк обладает дизельным мотором в 500 л. с. и развивает ско-

«Тигр»

рость до 53 км в час и вооружен 2 пулеметами и пушкой калибром в 7,6 см.

Таким образом, лучшими неприятельскими танками являются сейчас американский танк «Генерал Шерман» и советский танк «Т-34». Однако скорострельность, пробойная сила и меткость боя германских противотанковых орудий настолько высоки, что они легко уничтожают и эти танки.

Новые германские танки по скорости, толщине брони и по силе вооружения превосходят все неприятельские танки. Знаменитые «Тигры» представляют такие боевые машины, которые далеко оставляют за собою все, что могла создать мысль неприятельских конструкторов. Танки «Тигр» соединяют преимущества «танков прорыва» и «танков преследования». Обладая весом свыше 50 т., «Тигр» по быстроте, подвижности и мощи брони превосходит все существующие в мире танки. Танки «Тигр» не только легко переезжают через любой овраг и поднимаются по самым крутым склонам, но, кроме того, свободно проходят через любой лес и даже через двухэтажные дома. Огневое вооружение танков «Тигр» состоит из нескольких пулеметов, и тяжелой пушки такого калибра, который до сих пор еще никогда не устанавливался на танках. Очень маленькое «мертвое пространство» и своеобразная форма делают танк «Тигр» недоступным с близкого расстояния. Брони «Тигра» не в состоянии пробить даже пушки калибром в 10,5 см, в то время как орудия «Тигров» без труда пробивают броню самых тяжелых советских танков. Советские противотанковые орудия совершенно бессильны против «Тигров». Танки «Тигр» во время атаки сначала действуют как «танки прорыва», а затем начинают оперировать, благодаря своей большой скорости и в качестве «танков преследования».

В. Сергеев

Черная книга красных палачей

Донское казачество всегда было оппозиционно настроено против власти большевиков. В 1920 г. большевики в своих хвастливых приказах писали, что им удалось разгромить «главный очаг южной контрреволюции — Ростов». Однако, они несколько поспешили. Летом 1921 г. близ станции Елизаветинской бывш. Ростовского округа завопновались донские казаки, объединившись под руководством князя Ухтомского в единый боевой отряд. Конспиративным местом стоянки этого отряда были камыши речки Лагутника. Из прилегающих станций Обуховки, Колузаевки, Рогожинской, Государевки, хуторов Дугина и Шмат собирались казаки, недовольные советской властью в отряд Ухтомского.

Население симпатизировало отряду: пожилые казаки подвозили на лодках рыбу и мясо, казачки пекли хлеб для повстанцев.

Советская власть не на шутку испугалась, узнав об Ухтомском. «Сам» Буденный, о котором подпольная частушка, появившаяся в современную войну едко прощипывает:

Уничтожив миллионы,
Отступает он назад,
По-советски он — Буденный
По-казачьи — конокрад.

приехал усмирять восстание со своей карательной кошкой.

Но главным оружием большевиков было предательство. Шпионы из Донска проникли в среду лагутинцев под видом ее участников, пустили провокационные слухи, подготовив, таким, образом, сдачу без боя. Два казачьих офицера, не перенеся крушения всех планов, застрелились.

Советская власть находила опасным чинить сейчас же расправу. Все участники отряда Ухтомского были включены в особые списки. И с тех пор НКВД творило кровавую расправу в течении 20 лет над казачеством.

В 1939 г. в период раскулачивания из одной только Елизаветинской станции сослали 472 человека.

В 1937 г. в период ежовщины, когда казалось уж не было «политически неблагонадежных» советские сатрапы нашли возможным снова выселить из той же Елизаветинской 150 человек. Казачков ссылали и на Уральские лесоразработки и на строительство Беломорканала, где они в тоске по родному Дону, среди чуждой им и суровой природы Севера, умирали от неизменно тяжелых условий работы.

Когда наступила война, советская власть, боясь волнений, принялась прежде всего за мобилизацию казаков. Но многие из них скрывались в погребах, не желая защищать ту власть, которая ссылала их отцов и расстреляла их братьев. НКВД не дремало. Чекисты делали обыски в станицах, срывали поля и искали «дезертиров», как с прощипкой передавали казачки, «даже в конвертах». Те, кого находили, приговаривали к расстрелу. И все же всех скрывающихся найти не могли. Когда пришли Германские войска, многие казаки, бледные и изнеможденные, вышли из своих тайников. Были такие, которые в течение 9 месяцев не видели дневного света. Нужны были крепкие нервы и нужна была непримиримая ненависть к большевикам, чтобы выдержать такое близкое к смерти «заключение».

Но скрывались казаки не только у себя дома на Дону. Попавшие в армию быстро сдавались в плен. Наконец переход казаков на сторону Германских войск так уча-

стился, что с этим нужно было повести борьбу «административными мерами». В станице Елизаветинской сохранилась книга с протоколами и тайными документами Елизаветинского Исполкома. О быстроте и растерянности бегства местных шишек можно судить, хотя-бы потому, что эту книгу, выдающую с головой их варварскую деятельность, забыли сжечь. Перелистывая ее, мы находим в ней много безграмотных и поразительно жестоких документов. Вот, например, выписка из протокола № 62 заседания Елизаветинского С Исполкома от 11 декабря 1941 года:

СЛУШАЛИ:

О выселении семей изменников родины, перешедших на сторону врага.

РЕШИЛИ:

Отметить, что военно-обязанные Куралимов Василий Иванович и Золотарев Петр Александрович не только уклонились от мобилизации, но и перешли на сторону врага, что подтверждает письменно военный обязанный Почкаев Иван Петрович, который возвратился из плена и видел и разговаривал с ними в ст. Снявской в момент нахождения в ст. Снявской немцев.

На основании закона и постановления ЦИКА СССР от 8 июня 1934 года Исполком РЕШАЕТ:

Выслать семьи изменников родины Куралимова Василия Ивановича и Золотарева Петра Александровича с конфискацией всего имущества принадлежащего им.

Просить Райисполком утвердить данное решение. Подписал: Секретарь Исполкома Дунев. Печать».

Секретари Исполкомов издавна привыкли воевать с безоружными женами и с беззащитными детьми. Две семьи были выселены в декабрьский холод. А летом, 7 июня, чувствуя непрочность фронта из Елизаветинского района выслали 25 казачьих семейств. На каждую из семей была написана «справка — характеристика», подлинник которой отправлялся по этапу, а копия оставалась в Исполкомовской книге. Вот эти грязные листки:

СПРАВКА — ХАРАКТЕРИСТИКА

«Дана на гр. Попова Ильи Егоровича, рождения 1873 г., уроженец хут. Дугано Елизаветинского стансовета, из казаков-середняков служил в царской армии помощником в период октябрьской революции служил помощником станичного атамана, являлся участником повстанческой банды Ухтомского был судим на 5 лет, срок отбыл полностью. Возвратился из ссылки в 1935 г. Родственников судимых и за границей никого не имеет.

Семья состоит из 5-ти человек.

1. Жена, 2. Сын, 3. Сноха, 4. Внука — 1939 г. рождения, 5. Внук — 1940 г. рождения. — Что и удостоверяется.

Подпись. Пред. Елизаветинского Стансовета Доргобе-дон».

О казачке Галкине Г. М. так пишется в этой справке:

«Служил в белой армии, высказывает недовольство о мероприятиях проводимых партией и правительством, о налогах и военном займе». И снова отмечается, что родной брат был «изят в 1937 г., как участник банды Ухтомского» и снова в список выслаемых преступников попадает 3 внука: Павел 1935 г., Зоя 1937. и Борис 1940 г. рождения.

Причиной ссылки казака Матянова было то, что два его двоюродных брата, как отмечает справка, — «ухтомовцы».

В тайном документе, выписанном на имя выслаемого

Пешкевича жителя хут. Шмат, он так характеризуется: «Из казаков — кулаков, прасол, раскулачивался, лишился избирательных прав, судился на 5 лет». Отмечается, что участник отряда Ухтомского. В списке членов семьи, подлежащих высылке мы находим и дочь Пешкевича «Любовь Алексеевну, 1941 г. р.»

О казаке Хоренкове сообщается в этом тайном документе, что он «в настоящее время активный церковник.» Где же та свобода вероисповедания, о которой нагло и лживо трубят большевики! Усиленная набожность стала поводом для ссылки не только казака Хоренкова, но и его внучат: Коли 1940 г. и Тансы 1941 г. р.

Секретарь стансовета Доргобедев сочинил такую справку — характеристику казаку Филимонову:

«Инвалид с детства, казак-середняк, в белой армии не служил. Один родной брат был доверенным лицом у атамана станицы Елизаветинской в годы октябрьской революции. Будучи проводником частей красной армии, пытался завести их во вражеский стан, за что был расстрелян, второй брат служил в белой армии. С приближением линии фронта в 1941 г. Филимонов Алексей Григорьевич собирался выдавать партийно-советский актив. Инороднику Павленко Петру Семеновичу говорил чем будешь разделяться, когда придут немцы за то, что бегал в НКВД».

Даже казак, который был инвалидом с детства, казался опасным. Не только младенцев, но и калек не стеснялась ссылать советская власть.

Еще один тайный документ, выписанный на имя Золотарева сообщает: «Сын его изъят и сужден, как дезертир

в 1942 г. приговорен к высшей мере наказания и заменен отправкой на фронт». Сами начальники не видят никакой разницы между расстрелом и участием в бою против Германских войск.

Список репрессированных казаков еще можно было бы продолжить: мы просмотрели далеко не всю книгу. Но хватит! Тяжелое чувство охватывает всякого читающего эти мерзкие и жесткие справки. В них мы не найдем больше ничего нового. Во всех этих тайных документах беспрерывно повторяются указания, что выслаемый казак — участник повстанческого отряда Ухтомского. Через 20 лет не забыли этого большевики. Через 20 лет они боялись такого же казачьего волнения.

Характерно также и то, что во всех этих тайных документах в списках членов семьи, подлежащих высылке, мы зачастую находим младенцев 1940, 1941 г. г. рождения. Но это уж обычный метод ведения борьбы с «контрреволюцией». Автор этих строк, будучи выходцем из среды кубанского казачества, перенес Соловецкую ссылку с родными в возрасте трехмесячного ребенка. Только власть, породнившаяся с жидовством может быть такой жестокой и мстительной.

И все-таки, надо сказать, к чести донских казаков, что даже 20-ти летний террор не разрушил их благородных традиций. Трудолюбие, набожность и воинская доблесть — вот те прекрасные черты казачьего характера, которые большевики пытались искоренить, и которые теперь имеют благоприятные условия для своего развития.

А. Барвинко

СЛЫШИШЬ, РОДИНА?

Казаки, уходя зимой с Германской Армией на новые рубежи, оставляя свои семьи и станицы на растерзание большевикам, знали одно, что они уходят не как эмигранты, а как бойцы-добровольцы и воины.

Много тысяч казаков, верных сынов Дона, Кубани, Терека и Ставрополя уже прошли военное обучение.

Некоторые новые казачьи полки уже сейчас с честью выполняют специальные задания Германского Командования.

Мы, казаки, знаем, что своей кровью вместе с германскими солдатами и офицерами мы отвоевываем себе право на жизнь, право быть гражданами Новой Европы, право на землю, на честный свободный труд, на частную собственность, на организацию здоровой семьи, на образование и культурное развитие наравне с европейскими народами.

И пусть многострадальная Кубань, истерзанный Терек и обескровленный Дон знают, что они недолго еще будут находиться в плену у большевиков, что мы, их верные сыны, скоро вступим на свои родные земли и с боем избавим их от большевистских извергов!

Слышишь ли ты, Родина, наш голос?

Кубань, Терек и Дон! Надеемся и верьте нам в том, что мы не посраим славы своих предков и скоро вернемся в станицы с победой!

Родные казаки! Родные семьи! Родные станицы и города! Знайте, что Германский народ снабдил нас первоклассным оружием, дал нам возможность организовать в войсковые части и продолжать эту организацию, признал нас своими друзьями и союзниками, чтит наши воинские достоинства и уважает нас!

Мы живы и будем жить! Жизнь — нам! Смерть нашим врагам — большевистским псам!

Есаул Михаил Касякин.

Запумела даль степная,
Заклубилась вихрем пыль,
На пути врагов сметая
Поднялась седая быль.

Там над буйным гребнем вала
Реет сокол наш степной.
С бурей спорит, как бывало,
Бережет простор родной.

Смерть Вани

Отрывок из романа „С нами Бог“

В палатке и кругом на биваке была предутренняя тишина. Свечи бросали свет на лицо крепко спавшего, зарумянившегося Кузьмы. Он откинул куртку с груди и лежал, сжимая кулаком ладонку с землей и крестик. Отец залюбовался им и мягкая улыбка скользнула по его загорелому морщинистому лицу.

— Славные, Минанч, ребята у тебя вышли, — сказал Платов. — Ивана твоего, атаманца, крепко я полюбил. Да и этот хорош. А ты кого больше любишь?

— Обоих равно, — вздохнул Минаев. — Оба сыны мои, память о моей дорогой покойнице. Не дал ей Бог веку настоящим казаками их повидать, офицерские эполеты им на кафтаны навязать.

— Обоих равно любить нельзя, — сказал Платов. — Вот у меня дочерей много. Кажется, все мне одинаково родные, все мне равно дороги. Как подарки им посылаю, стараюсь, чтоб всем выбрать одинаково. А все, которая всех ко мне ласковей, всех услужливей и послушней, та будто бы и милее. Об ней и первая думка, как встану, и последняя, как засыпать стану. А у тебя кто на душе первый. Кузьма или Иван?

Свет тихо входил в палатку и бледнело наверху ее тугое полотно. Точно охрипшая за ночь труба запела короткую и печальную песню утренней зари. Заржали, чуя водоной, кони.

— Кузьма, — прикрывая ладонью рот, чтоб не донеслось до сына, зашептал Минаев. — Ох, люблю я моего Кузьму. Он наша Минаевская слава и гордость. Женился на Питерской, на русеской, рода знатного. Служит в Лейб-гвардейском полку. Он род наш далеко поведет. А только сам знаю, там в Петербурхе — то, он отрезанный ломоть — семья его наполовину уже не наша семья... Ты меня, атаман, понимаешь. А Иван мне ближе. Он потише и помирнее будет. Оженить его тоже хочу. И любовь его знаю... Дочь станничного нашего священника, Люба. Не девушка, а золото. И любят они друг друга крепко, давней любовью. А вот спросил я его, на ком хочет он, чтоб я оженял его. А он мне отвечает: «На ком, батюшка, укажешь, на той и женюсь...» Ну, я сватов и заслал к Любиным родителям. Так надо было видеть, атаман, счастье его. Вот с похода, Бог даст, вернемся, и свадьбу сыграем... Будет мне, старику, радость внуков качать.

Платов сидел задумчиво глядя на карту. Он полузакрыв глаза и, казалось, дремал.

— Да, — сказал он. — Оба славные парни. А, пожалуй, ты прав. В старшем блеску больше, а Иван — то нам ближе.

У Минаева в левом глазу заблестала слеза.

— Ну, а ежели призовет Господь... на поле брани... Его Божья воля... Как отцы наши не жалели ради стечества дорогих и близких своих, так и я не пожалею...

— Это ты правильно. На все Господня воля, — сказал Платов. Он встал со стула и направился к постели. — Ну, будем ложиться, Минанч. Слава Богу, ночь прошла безтревожная.

★

На поле возле Мира готовилось решительное большое сражение.

Платов рысью, потряхивая плечами с широким серебряным жгутом и болтающимся аксельбантом ехал по полевой дорожке, приближаясь к Симакову.

— Поскачи-ка, брат, — обернулся он к Кузьме, — в артиллерийскую роту... Впрочем нет... не надо... сами знают.

Кузьма посмотрел в ту сторону, куда показал Платов. Вираво и сзади, прямо полями, развернув в линию все двенадцать пушек, скакала донская артиллерия. Кузьме было видно, как пила к земле широкими волнами молодая рожь, как напрягались крупными гнедых лошадей на уносах и как по желтеющим полям прыгали ярко-зеленые пушки, качаясь медными телами. Еще дальше и правее, в колоннах, шли Ахтырские гусары и Киевские драгуны.

Отряд Васильчикова выдвигался в резерв.

Топот тысяч лошадей, идущих рысью и скачущих, да их редкое фыркание были единственным шумом, нарушавшим ленивый покой жаркого солнечного дня.

Когда поднялись за Симаковские холмы, стала видна вся долина реки Уши и речки Миренки до самого горизонта. Тонкой прозрачной цепью, последней завесой, верстах в двух впереди стояли на месте жидкие цепи полка Иловайского 2-го и за ними облаками пыли намечались выходявшие из Мира польские уланские полки.

Поляки готовились принять сражение.

Ставропольские калмыки с дикими криками, визгом и гиком, пуская на скаку стрелы, первыми бросились на уланский полк. Широкие линии эскадронов с белыми лацканами на синих уланках тоже перешли в галоп и поскокали навстречу калмыкам. Калмыки, не приняв атаки, бросились вразышную назад и, увлекая за собой Атаманские сотни, отскочили за Симаково.

Двадцать четыре пушки гудели за Миром и вся долина реки, как туманом, была покрыта белым дымом. Кузьме казалось, что и все поле застлалось какою-то мгlistой пеленою, и все, что было кругом, представлялось ему неясным и нечетким, будто во сне.

Четыре казаки несли рослого, полного красивого генерала. Платов подъехал к нему.

— Генерал Иловайский 5-й, — кинул он, обернувшись, старому Минаеву. — Куда тебя? — спросил он раненого.

Генерал повернул бледное опухшее лицо и сказал, запкальсь:

— В ногу пушкой... Да руку саблей стесал проклятый. Только пронесли генерала, к Платову подскочил казак. Высоко над головою он держал что-то серебряное, трепещущее. Это был польский генеральский эполет с короткою и жирною канителью.

— С самого Турны сорвал, атаман! — кричал он. Вся левая сторона его лица была залита кровью и кровь колтуном сбила выгоревшие светлые волосы.

Лазарев принял эполет. Свита рассматривала его. Платов, не глядя на эполет, сказал:

— Спасибо, молодец!

— Рад стараться, ваше высокопревосходительство! Кабы его телохранители не налетели, живого бы сцапал.

Но Платов уже не слушал его. Он поглядывал на восток, и по его лицу пробегали какие-то тени.

Бой то стихал, то разгорался с новой силой. Конные части отекаивали в обе стороны, оставляя между собой на поле убитых лошадей и людей. Тогда ожесточеннее гремели с обеих сторон пушки, а у Мира и в кустах за Симаковым трещали ружья... Части устранились и слова кидались навстречу друг другу, стараясь живыми массами пробить путь через живые массы.

Далеко за Миром широкая дорога курилась высокою,

быстро приближающейся пылью: к полякам спешили на помощь новые полки.

★

— Кузьма Иванович, — обернулся Платов к Кузьме. Усталое лицо Платова было серо и глаза потухли. — Скачи за Подлесье, по лесной дороге на Мхи. Разуши мне бригаду Кутейникова. Пусть наметом, как можно скорей, скачет сюда и от Озерска ударит во фланг и в тыл полякам.

— Понимаю! — выкрикнул Кузьма.

Он не успел отъехать, как его за руку схватил отец. На таком же, как у Платова, посеребрившем старом лице слезами сверкали выцветшие глаза.

— Ваню нашего посмотри там. Скажи: благословляю...

— Ладно, батюшка, — сказал Кузьма и поскакал напрямик через поле к деревне Подлесье.

Едва он въехал в широкую лесную дорогу, лесная тишина, такая странная после грохота пущек и шума боя, сразу обступила его. Было удивительно думать, что там, совсем недалеко идет бой, что там сшибаются люди, колют пиками, бьют саблями и все больше становится раскиданных по полю польских и казачьих тел. Это ощущение тишины и безопасности было сладко помимо воли. Утомленный Ворончик сбился на рысь. Все более глухо и неясно, каким-то неопределенным гулом еще доносились удары пушечных выстрелов... Потом и они затихли.

Высокий лес стоял, молчаливый и древний. Чуть шумели верхушками высокие сосны да где-то невдалеке медленно куковала кукушка.

Дорога загнула угол. Из-за угла показались два казака, седые рысью. Увидев скачущего им навстречу Кузьму, они остановились.

От волнения и радости Кузьма не мог сразу говорить. Наконец, он крикнул:

— Генерала Кутейникова?

— Они самые.

— Далеко?

— А вот...

С угла дороги в прямой пролет между высоких сосен влилась голубая река Атаманцев. Они шли в походных киверах и их голубые куртки, покрытые пылью, казались серыми. Впереди, на вороном коне ехал генерал с черными, сидящими бакенами, в синем чекмене без эполет. Кузьма подъехал к нему и, приложив руку к киверу, передал приказание Платова.

— Прибавь рыси! —скомандовал генерал и стал расспрашивать едущего возле Кузьму о том, что делается у Платова.

Кузьма ничего не мог толком рассказать.

— Идет бой, — сказал он. — Шестой час идет бой. Атаман очень вас ожидает.

Генерал посмотрел на небо и поддал хода коню. Ехавшие за ним трубачи заскакали наметом.

Рядом с Кузьмою оказался командир Атаманского полка, полковник Балабин*). Он дружески пожал руку Кузьме.

— Отец-то небось при Платове?

— При нем. А Иван здесь?

— Здесь, в третьей сотне, в первом взводе.

— Можно его повидать? Батюшка просил.

— Повидай, да скорей назад. Покажешь нам, где выходить.

Кузьма свернул в лес и остановился, пропуская мимо себя сотни. Нагнувшись к шлям лошадей, скорою рысью проходили Атаманские сотни. Казаки сурово, и как казалось Кузьме, неодобрительно смотрели на него.

Вот и третья сотня.

Рыжий конь под старым сотенным командиром широко махал ногами. За ним ехал трубач и шли плотные ряды колонны по четыре. На фланге ее ехал Иван.

Кузьма первый раз увидал брата в строю, на коне, и его сердце залилось теплою, нежною гордостью. Иван, почти такой же высокий, как сам Кузьма, но со светлыми волосами и с большими, чистыми, еще детскими глазами, ехал на плотном буром коне. Серебряная перевязь с голубыми дорожками блистала на его узкой юношеской груди и кивер с голубым шлыком твердо, не качаясь, держался на запыленных волосах.

— Кузьма!

Лицо Ивана просияло. Они поехали рядом. Кузьме хотелось обнять брата и поцеловать его, но ему было совестно сделать это при казаках.

— Ну, как? В дело идем? — спросил Иван.

— Да, в бой... На вас вся надежда.

— А батюшка там?

— У Платова.

— Только бы во время попасть. Уж мы себя не посрашим.

Кузьма хотел сказать брату, что отец благословляет его, и благословить его сам, но как-то не посмел и не сумел этого сделать. Рядом с Иваном ехал в старых колючих усах и бакенбардах, распятый по голубому рукаву шевронами урядник, и Кузьме было стыдно заговорить об этом при нем.

— Ну, прощай, Иван, — сказал он.

— Куда-ж, ты?

— Вперед, дорогу показывать.

Кузьма поскакал, обгоняя Атаманские сотни. Голова колонны уже выезжала из леса. Генерал Кутейников выскочил карьером вперед и остановил лошадь. Закрыв глаза ладонью, как козырьком, от спускающегося к горизонту солнца, он смотрел перед собой. На холме лежала деревня Симакова. Она была уже очищена казаками, и польская бригада, развернувшись в две линии, с эскадронами на уступах, шла к деревне. По ней часто били донские пушки.

— Лейб-казачий корнет! — крикнул Кутейников Кузьме. — Скачи к атаману. Скажи: атакую всеми силами во фланг и в тыл.

Кузьма помчался вдоль холма. Проскакав с пол версты, он оглянулся назад. Все пять сотен полковника Балабина стройной линией развернулись на зеленом поле. Правее их, на уступ выходили казаки полевого полка. Красные лампасы мелькали, выстраивая фронт.

Кузьме на один миг показалось, что он различил стройную фигуру Ивана на буром коне впереди голубой сотни.

— «Господи, помоги им...» — прошло у него в голове.

Больше не оборачиваясь, он поскакал вперед на усталом Ворончике. Позади него взметнулись волною грозный крик и топот конских ног, то и дело заглушаемых орудийным громом, и, когда он подъезжал к Платову, то сквозь все эти шумы боя он услышал, как хрипло с разных сторон наши трубачи завывали «депюнду».

Тогда понял: наши опрокинули поляков. Шло преследование.

★

Кузьма нашел Платова сейчас же за Симаковым. Атаман лежал на песке в расстегнутом синем мундире. Кивер был снят и стоял подле. Немного поодаль войсковою старшина Лазарев и Гаврилыч расстилали большой ковер. Там уже стояли лошади с атаманскими выюками. Смирный примостился на корточках подле Платова и, достав тетрадь и карандаш, приготовился писать. Платов рассеянно выслушал Кузьму. Старый Минаев подо-

*) В Атаманском полку было 10 сотен. В сражении под Миром 5 было при Платове, 5 в отряде генерала Кутейникова.

шел к сыну, и, как только Платов отвернулся от Кузьмы, стал расспрашивать про Ивана.

Между тем Платов диктовал:

«За боем, длившимся шесть с лишним часов, не слезая с коня, устал и пишу, лежучи на песку. Донесу рапортом, соображаясь за снм...»

Левее деревни, по дороге, в густом облаке пыли калмыки гнали большую толпу пленных.

Между домов проходили, выстраивая резервную колонну, Атаманцы. Все десять сотен теперь собрались вместе. По всему полю за деревней тоже видны были собиравшиеся в колонны полки. Заходящее солнце освещало их розовыми лучами и сверкало на остриях шк.

Старый Минаев, волнуясь, топтался на месте, поглядывая на приближавшийся Атаманский полк. Вот полк остановился. Поднявшийся ветер отнес пыль в сторону и стали видны выравненные сотни. Голубые шкки были убранны в плечо. Освещенные сзади заходящим солнцем, словно в золотой раме, стояли Атаманцы.

Старый Минаев быстрыми, спотыкающимися шагами спускался с холма к полку. Кузьма шел за ним. Он смотрел на первый взвод третьей сотни. Перед взводом, на рыже-чалом худом коне с соломенной чолкой и гривой, стоял седой урядник с колючими усами. Правый рукав голубой его куртки был черен от крови. Ивана не было рядом.

Отец подошел к полковнику Балабину и что-то спросил у него. Потом рывком сорвал с головы кожаный кивер, перекрестился и пошел в интервал между второю и третью сотней. Солнце золотило его густые белые волосы. Он как-то сразу присутствовал, опустил голову и шел неровными шагами по смятой потоптаной ржи.

За полком по полю ехали одиночные казаки. Кузьма сразу увидал одного и не мог уже смотреть ни на кого другого. Маленькая, худая, светло-гнедая лошадь еле переставляла ноги. Поперек ее шеи, беспомощно опустив руки и мотая светлыми волосами опрокинутой головы, лежало тело. Казак, сидевший на лошади, поддерживал его рукой. На передней луке, за подбородный ремень висел офицерский кивер. Чешуя упала вниз и шлык голубым языком спускался к груди лежавшего.

Кузьма видел голубую, свежую, тонкого сукна куртку, длинный, обшитый серебром патронташ с серебряным орлом свесившийся к шее, и русый затылок с отвисшими волосами. Он глядел на это темя с знакомым пробормом и золотистыми кончиками волос. Повисшая рука слабо качалась. Пальцы были сжаты в кулаки и были неживого воскового цвета. У Кузьмы защекогало в носу. Он хотел не верить тому, что видел, хотел не узнать и не мог. Он невольно задержал шаги, точно желая отдалить страшную минуту.

Отец подошел к казаку. Казак слез с лошади и вместе с отцом снял тело с конской шеи и положил его на землю. Белое лицо легло на солому. Маленькие ушки и пушистые брови казались приклеенными к восковому лицу. На нем застыло какое-то удивление. Грудь была вся черная от крови и мундир висел на ней лохмотьями.

Старый Минаев стал на колени. Кузьма подошел к нему и тоже опустился с ним рядом. Так стояли они, молча, над телом убитого Ивана. Казак рукавом и погтями равнодушно счищал кровь, налившуюся к суконному вальтрану.

Старик, казалось, не видел никого. Наконец, он встал. Его лицо посерело и губы дрожали. Какие-то странные, хриплые звуки вырывались из его груди. Таким никогда еще не видел Кузьма отца.

— Пойди, скажу атаману... Ваню убили.

Он зарыдал и упал на труп сына.

Кузьма пошел на холм между Атаманских сотен. Слезы подступали к его глазам. Но ему казалось, что все казаки смотрят на него, и он шел, стараясь сдержать себя и показать достоинство казака, понимающего что значит смерть на поле брани.

Платов все еще продолжал диктовать Смирному, прерывая диктовку хозяйственными замечаниями Лазареву и Гаврилычу.

— «Нижних чинов сто пятьдесят...» Написал? «У нас урон велик, но не велик по сему редкому делу, в коем грудь в грудь...» — Он обернулся к Гаврилычу: — Стаканов достань побольше. Все полковники ужинать будут. — И снова обернулся к Смирному. — А об убитых и раненых будем иметь домашний счет... Ну как Иван? Цел? — спросил он подошедшего Кузьму.

— Убит, — ответил Кузьма.

— Царство небесное, — тихо сказал Платов, перекрестился и выкрикнул визгливо: — Домашний счет... домашний!

Он опять обратился к Гаврилычу:

— Ты теперь не откуоривай. Дай всем собраться, тогда и откроешь. Поставь на холодке в ведерке с водой.

Платов поднял голову и увидел, как от Атаманского полка тяжело, неровными шатающимися шагами, шел к нему старый Минаев.

Платов встал.

— Домашний счет, — повторил он, обращаясь к Смирному. — Дома оплачем.

Он быстро пошел навстречу Минаеву и обнял его.

П. Краснов.

Юнкерам

К открытию I казачьего имени Атамана графа М. И. Платова Юнкерского училища.

Как тени прошлого, вы встали
В бураны грозные войны
И вас называли юнкерами
В честь, в память нашей старины!
Вы — символ армии рожденья,
Ее порядка и знамен;
И вы-рассадник возрожденья
Победы, славы и имен.

Набатов первым прозвучало
Название ваше — юнкера;
Ведь это званье защищало
Наш край от недруга — врага
Кто отнял ныне у народа
Его священный идеал;
Украд, что звалось — свобода,
В рабы жидам народ предал.

И потому то грудь волнует,
Что ваше имя — «Юнкера».
Умы народа возбунтует
И он поймет — пришла пора
Сломить жидовское засилье,
Изгнать навек власть сатаны,
Вернуть стране ее веселье!
И это сделать — вы должны!

Н. Васильев

СТАНИЧНИКИ

(Отрывок из романа в стихах.)

В краю родном, в краю раздольном,
Где вольность искони была,
В станице славной и привольной
Семья казачья жила.
Все в ней дышало стариною
И жизнь текла сама собой:
Тревог, печали, суеты
И гнета тягот бедноты
Никто не знал о той порою.

Вражды в народа не бывало;
Друг друга каждый уважал;
Младое старших почитало
И жизнь так каждый проживал.
Была там общность интересов;
И если спор, то без процессов,
Все мирно, чинно и с умом,
Все разрешалось не судом,
А доброй волей; без эксцессов.

Беда ль кого там постигала,
К соседу, к куму тот идет
И вся станица помогала
Кому в делах не повезет.
Женить ли сына, выдать дочку...
Все или гурьбой и в одиночку
На пир к станичнику гулять,
Чету младую поздравлять,
Дарить вина на свадьбу бочку.

Весна придет — станица в поле;
Кует себе там каждый клад;
В труде, в заботе и на воле
Сложился быт их и уклад.
Порой друг другу помогая,
И в помощь Божью уповая,
Спешили полосы убрать
И урожай домой собрать,
Все силы вместе напрягая.

Бывало так, что вею станицу
В тиски хватал вдруг недород
И милосердия страницу
Писал тогда казачий род:
Одни им хлебом помогали,
Другие деньги посылали,
Иные слали им бычат
Гурты станицы выручать,
Да казаки чтоб не пропали.

С последней коркой расставались,
Борясь с несчастьем и нуждой;
И я не знаю, чтоб пенялись
Деда, квитаясь меж собой.
Свободен дух и верой силен;
В страданий дни он просто дивен
Своим смиреньем, простотой
И сердца милой теплотой,
Он милосердьем был обилен.

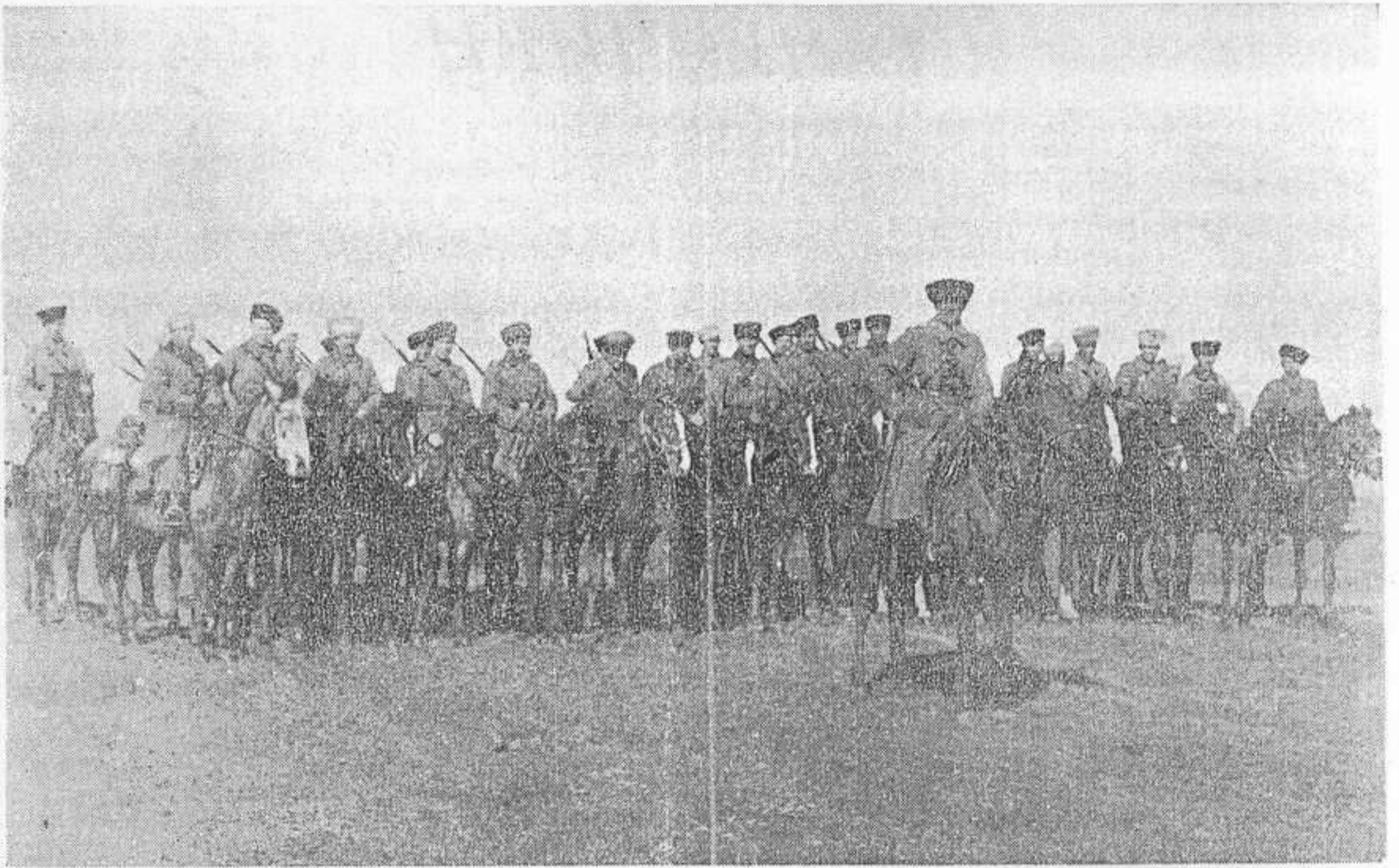
Но если праздники наступят!
Тогда держись крещеный люд!
Все магазины пораскупят,
На стол поставят сотню блюд!
И всяк знакомый и прохожий
Двору хозяина пригожий;
У всех и всяк там пьет и ест;
А сколько там поет невест!
Хваляся новою «одежей».

А казаки! А казачата!
Красавцев выведя коней,
Гурьбою деда и внучата
Хвалятся удалью своей.
Куда наездники, артисты
И цирка дел эквилибристы...
Красиво, просто, без уады, —
Конь чует, держит кто браады, —
Из века в век кавалеристы!

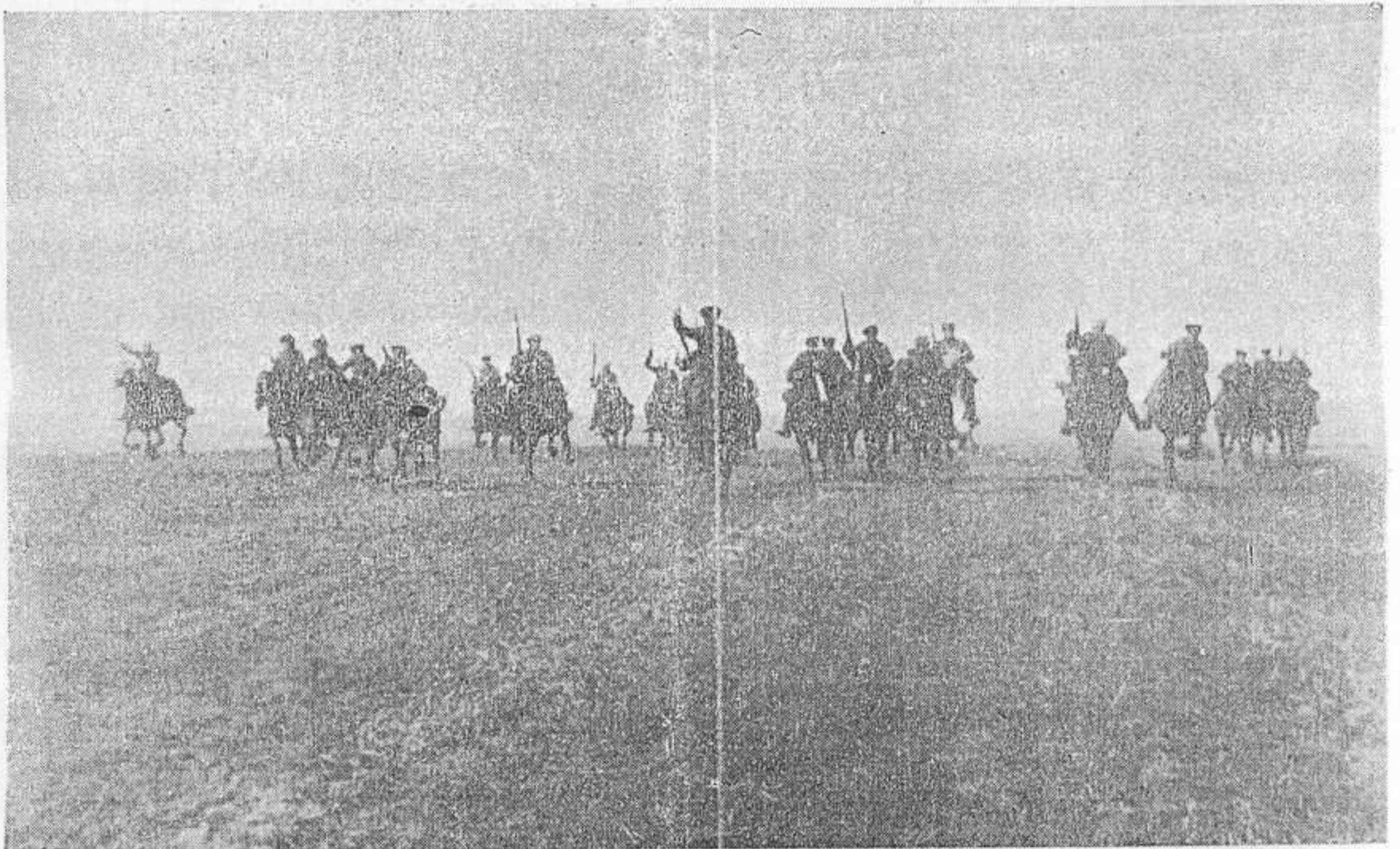
И видя пеструю картину,
Азарт и удаль стариков,
Невольно смотришь на долину
Седых, морщинистых веков;
Туда, где караван событий,
Где колыбель его развития
И виден, где в истоках он,
Наш православный тихий Дон,
Видавший жуть кровопролитий.

Казак! Какая в слове гордость!
История парада в нем!
В нем сила, слава, духа бодрость,
И долг, и честь, и вера в нем.
И что дивиться, как умело, —
С искусством мастера, — и смело
Казак гарцует на коне,
Бывает страшен на войне;
Он так рожден! И в этом дело!

Н. Васильев.

Взвод казаков, во главе с офицером, готов к выступлению на разведку

... «Мы обнаружили противника и вошли с ним в соприкосновение» ... — доносил потом начальник разезда